

A woman in a white wedding dress stands on a city street at night, looking towards a large illuminated monument and a domed building in the background. The scene is overlaid with a blue spiderweb pattern. A red circular tag is in the top right corner.

**Жить
ярко или
никак!**

ОНА ЧИТАЛА ПО ГУБАМ

**АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ**

Анна и Сергей Литвиновы

Она читала по губам

«ЭКСМО»

2012

Литвиновы А.

Она читала по губам / А. Литвиновы — «Эксмо», 2012

Адель Лопухина с детства решила – жить ярко или никак! И добила своё: стала женой знаменитого композитора и самой известной в городе телеведущей. Карьера неслась в гору, а вот семейная жизнь не заладилась. Вскоре Адель осталась вдовой... Казалось, ничего криминального: супруг был далеко не молод и не здоров. Если бы... Адель в приступе злости не пожелала ему смерти! Она заставила себя поверить, что это совпадение, снова вышла замуж – на этот раз за симпатичного немца – и... потеряла мужа во второй раз! Неужели она способна приносить смерть своим близким?.. Экстрасенс Алексей Данилов слушал Адель и не находил в ее рассказе ничего сверхъестественного. Наоборот – во всех случайных и мистических совпадениях ему виделись действия вполне реального человека. Настоящего злого гения...

© Литвиновы А., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

26

Анна и Сергей Литвиновы

Она читала по губам

© Литвинова А. В., Литвинов С. В., 2012

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2012

Адель Лопухина

Я популярна в нашем городе. На меня оборачиваются на улицах. Не обсчитывают на рынке и в магазинах. Даже наш надменный и недоступный мэр всегда, если сталкиваемся в кулуарах, дружески мне улыбается. У меня репутация крепкого профессионала, а мою передачу на телевидении многие специально отмечают в программках, чтобы не забыть посмотреть.

Я хорошо выгляжу, со вкусом одеваюсь и не злоупотребляю алкоголем. Неплохо образована. Не курю. Всегда вежлива с соседями – в нашем провинциальном городке иначе нельзя.

Во мне совершенно нет ничего демонического. Однако – минимум раз в неделю! – мне вслед шипят:

– Убийца!

У людей есть основания думать так.

И, может быть, даже люди правы.

Алексей Данилов

Я никогда не работал на конвейере или на стройке. Но сегодня вечером – после того как принял семь человек подряд! – чувствовал себя, точно работяга после смены. Ломило плечи, гудела голова, а главное – на душе полное опустошение. Ничто не интересовало, ничто не радовало. Как никто, я сейчас понимал плиточника или токаря. С каким бы удовольствием сам откупорил ледяную бутылочку пенного, закусил рыбешкой. Никаких, упаси господи, ресторанов – просто сидел бы на пустынном пляже, бездумно попивал пиво, таранился на море...

Но, к сожалению – говорю абсолютно без пижонства, – я не обычный человек. От дум меня не избавит ни пиво, ни море. Чужие беды, надежды, чаяния пребудут со мной еще долго. За ужином я стану отвечать невпопад, ночью – страдать бессонницей, завтрашним утром поднимусь с головной болью. Мне нелегко достаются баснословные гонорары.

Я проводил последнюю на сегодня посетительницу, вышел в приемную. Верные подданные – постоянный помощник Сименс и временная секретарша Эля – вскинулись мне навстречу. Девочка (она явно упивалась ролью *ассистентки при Боге*) протянула распечатанный на принтере листок:

– Ваше расписание на завтра.

Я взял, просмотрел – как и сегодня, семь человек. Кто б сомневался, что их будет не меньше.

– И еще Адель Лопухина очень просит ее принять. В любое время, – встрял Сименс.

– Это кто? – наморщил я лоб.

– Наша печально известная знаменитость, – саркастически хмыкнула секретарша.

Сименс поспешно пояснил:

– Телеведущая. Вчера уже к вам приходила спрашивать про колечко.

– Нашла? – усмехнулся я.

– Точно в указанном месте, – усмехнулся Сименс. – Говорит, что потрясена до глубины души. И очень хочет поблагодарить вас лично.

– Ты прекрасно знаешь, что я никого не принимаю повторно, – пожал плечами я.

– Я тоже говорила ей, что только время зря теряет! – удовлетворенно улыбнулась секретарша.

– Лопухина здесь с обеда. На улице, в машине ждет, – пояснил Сименс.

Знаменитости, что ли, больше нечем заняться?!

– Почему вы ее не отослали?.. – раздраженно произнес я.

– Гнали весь день, – пожал плечами помощник. – Но дамочка уперлась. Она ведь настырная, как все журналистки! Придется нам с вами через черный ход удирать.

Я, конечно, не Ванга, отчаявшийся народ подле моих дверей не дежурит. Но бывало и у меня, когда люди пытались любой ценой добиться встречи со мною.

Однако Лопухина уже на приеме была. Причем с вопросом совершенно пустяковым. Что ей надо еще?

Мне стало любопытно. К тому же телеведущая (в отличие от многих моих возрастных, неприбранных, истеричных клиенток) элементарно радовала глаз. Обаятельная, ясноглазая. Даже небольшой налет провинциальности ее не портил.

– Позови – пусть зайдет, – велел я секретарше.

– У нас столик в ресторане заказан. На семь, – предупредил Сименс. – Уже надо выезжать.

– Перенеси, – отмахнулся я.

Эля удалилась, Сименс констатировал:

– Завтра об исключении попросят двое. Послезавтра – еще пятеро.

– Лопухина мне просто понравилась. Как женщина, – подмигнул ему я.

И встретил красотку телеведущую со всей возможной приветливостью. Лично провел в кабинет, придвинул кресло, предложил кофе.

– Нет, нет, я на минутку. Спасибо, что приняли, – явно смущаясь, пробормотала она.

Неловко извлекла из цветастого целлофанового пакета благородного шоколадного цвета коробку, протянула:

– Вот... Вам...

– «Портвейн», – прочитал я сплетенные в витиеватый узор буквы. Хмыкнуть не успел – обратил внимание на год розлива. Тот совпадал с годом моего рождения.

Адель перехватила мой взгляд, виновато произнесла:

– Вообще-то положено, чтоб год сбора урожая совпадал. Но, к сожалению, именно такого я найти не смогла.

Еще один мой незыблемый принцип: никогда не брать ничего от клиентов. Сверх положенной оплаты, конечно. Но обижать Лопухину не хотелось. Тем более ее подарок никак нельзя было равнять с заурядными дорогими коньяками или альбомами по искусству – тем, что несли мне обычно.

– Откуда вы знаете мой год рождения? – улыбнулся я.

– Я журналистка, – откликнулась она. (Расслабилась немного, раздумянилась, повеселела.)

– В социальных сетях меня нет, ссылок на поисковиках – тоже, – упорствовал я.

– Обычно я не выдаю свои источники информации, – лукаво откликнулась она. – Но вы ж все равно *насквозь* видите. Если берете на себя труд.

Я не стал возражать.

– Поэтому признаюсь, – продолжала Адель. – Много лет назад в нашей городской газете был опубликован рассказ «Мусорщик». Его автором был – как гласила «шапка» – шестнадцатилетний школьник Алексей Данилов. Это ведь вы?

– Вы явно знаете свое дело, – совершенно искренне похвалил я.

Адель мой благожелательный тон, похоже, вдохновил. Стрельнула из-под длинных черных ресниц искрометным взглядом и произнесла:

– Кстати, ваш рассказ мне очень понравился. Вы – талантливый человек! Талантливый во всем! Скажите, как вы про мое кольцо узнали?

Я улыбнулся – чуть снисходительно:

– Нашли там, где я сказал?

– Именно! В «сокровищнице» у мальчишки! – Адель смешно сморщила носик. – Еще и отдавать не хотел. Пришлось выменять. На побрякушку из бирюзы и машинку!

– Рад, что смог вам помочь.

– Алексей! Вы... вы – просто супер! – Ее глаза сияли.

«Неужели действительно пришла лишь для того, чтобы поблагодарить?»

Но нет. Натура человека, увы, всегда одинакова.

Лопухина смущенно потупила взор:

– Я хотела просить вас помочь мне еще кое в чем. Но ваш помощник сказал, что все ваше время, к сожалению, уже расписано. Я не поверила. Специально ждала весь день, чтобы попросить вас лично.

– Что вы хотели? – не стал ломаться я.

– Ну... дело в том... – Адель, кажется, не ожидала, что я соглашусь столь легко. Явно смутилась.

– Говорите.

– Вот вы, – она вскинула свои ясные огромные глазищи, – когда на меня смотрите – ничего не видите?

Я нахмурился – не люблю подобных кокетливо-глупых вопросов.

Адель мгновенно уловила мое неудовольствие, поспешно произнесла:

– Как вы думаете, я – способна на убийство?

– Конечно. Как любой человек, – мгновенно отреагировал я.

Она отшатнулась – словно ее ударили. И произнесла моляще, жалобно:

– Алексей. Вы не могли бы меня выслушать? Пожалуйста!

И я решил – дьявол, что ли, нашептывал в уши? – отложить свой ужин. Ради хорошенькой девушки. Знал бы я в тот момент, во что ввязываюсь!

Восемь лет назад

Сегодня должен был состояться первый в ее жизни прямой эфир, и Адель жутко нервничала. Всю ночь накануне промучилась, заснула только часам к пяти. А уже в половине восьмого подскочила: привиделся кошмарный сон. Звучит команда: «Тишина в студии!» Ассистентка (за кадром) ободряюще улыбается, вспыхивают красными глазами телекамеры, прошла пяти-секундная заставка. А на нее – словно ступор напал. Операторы смотрят растерянно, редактор в наушнике истерически вопит: «Адель! Не молчи! Говори хоть что-нибудь!» И главное: вся область на экранах телевизоров видит ее – дрожащую, жалкую, с онемевшими губами.

Она, кажется, даже закричала от страха. Впрочем, воплем своим супруга не разбудила. Тот поворочался, недовольно почмокал губами, отодвинулся на край кровати. И опять захрапел. Наверно, даже забыл, какой у нее важный день сегодня.

Адель поднялась, накинула халат, вышла на кухню. Домработница должна прийти через четверть часа – к восьми. Адель ждать ее не стала – сама сварила кофе, напилась сыра, колбасы. Уселась у окна, принялась себя успокаивать: подумаешь, всего лишь кошмарный сон. Ничего он не значит! Или даже, наоборот, подсказывает, что все пройдет нормально.

Да и с какой стати ей вдруг перед камерой неметь? Пусть собственных передач в прямом эфире пока не вела, но на телевидении вовсе не первый день. Репортажи с митингов делала, включения со спектаклей и концертов – тоже. Все нормально получалось! А что однажды перепутала Булгакова с Булганиным и как зовут мэра забыла – никто даже не заметил. Главное для

прямого эфира – нести, пусть любую чушь, но без заминок и пауз. Это она умеет. С первого курса у нее репутация: Адель Лопухина может говорить что угодно, сколько угодно и на любую тему.

Но окончательно себя успокоить не удалось. Потому что понимала: очень много непредвиденного может в прямом эфире случиться. Что делать, если на передаче перед камерой онемеет гость? Или начнет блять в ответ на ее вопросы нечленораздельное? А то завистливые коллеги придумают гадость. Типа, провести боевое крещение, с них станется. Как однажды Костику (он криминальные новости ведет) в чай (от спонсора) добрые сослуживцы перцу подсыпали. Тот в прямом эфире и глотнул! Но – кремень-мужчина! – даже в лице не изменился. Она точно так не сможет.

А если ее передача просто *не понравится*?! Их областной канал, конечно, не столь зависит от рейтинга, как центральные. Однако достаточно парочки гневных писем от зрителей или скептического замечания генерального спонсора – и все, о карьере телеведущей можно забыть. На всю жизнь останешься максимум журналистом «в поле». Тут не столица – где каналов десятки.

Однако рядовая, серенькая должность Адель категорически не устраивала. Она вообще не понимала тех, кто тупо по течению плывет. Лишь бы в институт (хоть какой) поступить, замуж за кого угодно выйти. А коли есть шубка, машина и колечко с бриллиантом – можно радоваться, что ты состоялась. Что за примитив!

Адель еще в школе дала себе зарок: жить – или ярко, или вообще никак. В чем смысл, когда каждый день одно и то же, а ты из года в год привычно прикидываешь, как бы дотянуть до зарплаты, и неуклонно стареешь?! Стив Джобс (мужик, что корпорацию «Apple» основал) умно сказал: нужно каждый день проводить – словно сегодня вечером ты умрешь.

Она очень старалась жить по его заветам.

Пока что все честолюбивые планы осуществлялись. Ну, почти все. Хотела на журфак – поступила. Не в МГУ, но тоже в столице. На телевидении, пусть на местном, оказалась. Замуж вышла – причем за человека уважаемого, не бедного.

Адель в матримониальных мечтаниях, конечно, выше метила. Представляла под венцом рядом с собой известного артиста или наследника финансовой империи. Но, когда замуж ее позвал просто мужчина состоявшийся, отказываться не стала. Тем более что сама – Золушка классическая. Ни родителей, ни квартиры. Прописка в городке за Уралом. Но жильем владела тетка – особа жадная, склочная. Когда провожала племянницу в Москву поступать в институт, предупредила сразу: «Возвращаться даже не думай. Без тебя тесно».

Адель сразу, как вселились с муженьком в новенькую, стильно отремонтированную квартиру в центре Энска, не отказала себе в удовольствии: тщательно подобрала *второй план* (антикварное кресло, богатая лампа, сервант красного дерева). Сфотографировалась на фоне (на шее, конечно, бриллиантовое колье). И отправила карточку злобной тетке. Пусть умрет от зависти!

Надеялась, что письмо дошло – хотя родственница, естественно, не ответила, и больше они не общались. Ох, жаль, что та на другом конце страны живет. Не увидит племянницу в прямом эфире, в собственной передаче!

Девушка подошла к зеркалу, улыбнулась – словно в камеру. Уверенно поздоровалась: «Добрый вечер, с вами программа *Гостиная* и я, ее хозяйка, – Адель Лопухина».

Черт, нету сегодня боевого настроения. Даже здесь, в безопасном уюте квартиры, голос срыгается, взгляд – неуверенный, почти затравленный. К тому же в горле царапает – вчера утром попала под дождь, а на обед неразумно купила себе мороженое. А что, если она осипнет ровно в тот момент, когда прозвучит команда «Мотор»?!

Никак нельзя отпраиваться на работу в таком раздрыге.

Адель взглянула на часы: время есть. Только бы никто не дергал.

Заглянула на кухню, улыбнулась домработнице тете Нине – та уже явилась, замешивала тесто для оладушек.

– Тетя Ниночка, я в кабинете буду репетировать. Не отвлекай меня, ладно?

Та только плечами пожала: делай, мол, что хочешь. Домработница Адель за хозяйку не признавала. Какие будут указания, спрашивала у супруга, Григория, и угодить старалась только ему. Человеку, что ей зарплату платит.

Ну, и плевать.

Адель на цыпочках прошла мимо приоткрытой двери в спальню – муж, кажется, не притворялся, действительно спал. Он (как и жена) считал себя человеком особенным, Творцом. Только (в отличие от Адели) мог позволить себе посвятить *творческим мукам* всю ночь, а потом почитать хоть до обеда. Маститый композитор, звезда! Зарабатывает столько, что может себе позволить неделями пьянствовать под предлогом, будто вдохновения ждет.

Адель юркнула в мужнин кабинет, затворила дверь. (Собственной – абсолютно своей – комнаты у нее, к сожалению, не было.)

Только бы успеть провести *ритуал*!

Жаль, с *антуражем* возиться некогда – муж, того и гляди, проснется, или тетя Нина ввалится с уборкой.

Вместо четырех положенных свечей Адель зажгла одну. Мороку с пером-чернильницей тоже затевать не стала – схватила шариковую ручку. Единственное, что сделала по правилам: не кинулась тут же писать, а откинулась в кресле, прикрыла глаза, поместила указательный палец левой руки на *точку Гейши*, в межбровье. Сосредоточилась. С удовольствием почувствовала, как только что прохладная кожа становится горячее... еще, еще... просто пылает, руку еле удерживаешь... За перо взялась, когда терпеть уже не было сил, а подушечка указательного пальца покраснела, будто ее ожгли. Концентрация энергии сейчас максимальная.

Теперь главное – точно сформулировать, чего хочешь.

«Сегодня вечером мне будет сопутствовать успех», – написала Адель первую фразу.

«А уже через месяц моя «Гостиная» станет самой популярной передачей в городе».

«Девушки будут одеваться – как я. Герои передачи гордиться, что я их пригласила. Пенсионеры – ругать. Мужчины – видеть меня в эротических снах».

Подумаешь, немного нелепо. Главное, чтобы сама верила.

Теперь слова сыпались на бумагу потоком, недавний невроз на глазах отступал, сменялся спокойствием. Сама собою распрямлялась спина, взгляд становился (Адель чувствовала) ясным, уверенным в себе, прожигающим.

«Вы все захотите провести со мной вечер. За чаем, или в парикмахерской, или просто оставите телевизор – фоном во время любых ваших дел. Но не переключите мою программу. Адель – и ее Гостиная. Уютное, надежное, правильное место!»

Она уже раздумывала над последней – самой эффектной и, возможно, самой завиральной фразой. Концовка, учили ее – что в журналистике, что в работе над собой – чуть ли не самое важное. Что бы такое представить и записать? Максимально яркое, запоминающееся?

Но в этот момент дверь в кабинет распахнулась, и Адель в отчаянии отбросила ручку.

Разумеется, явился супруг. Как всегда (в последнее время это случалось все чаще), некстати. Явно: только что проснулся. Волосы встрепаны, сам в небрежно запахнутом халате, зевает. На лице фирменная, снисходительная усмешечка:

– Все колдуешь?

– Дьявол, Гриша! – взорвалась она. – Сколько раз я тебе говорила?! Не врываться, если я закрываю дверь!

– Это мой кабинет, – небрежно отмахнулся муж.

– И не называй мой аутотренинг – *колдовством*! Я тебя тысячу раз просила! Это просто психотехника, спроси у Иннокентия Степановича, если не веришь!

– Но у тебя – когда бумажки свои пишешь – лицо, как у ведьмы! – ухмыльнулся он. Подошел, покровительственно потрепал по щеке:

– Ладно, птичка моя, не злись. Кофейку мне лучше сварь.

И шею вытягивает – силится разглядеть, что Адель написала.

Она поспешно перевернула листок. Вся просто кипела: всплеск чувств, оборванный на полуслове, даже хуже, чем вообще ничего.

Буркнула:

– Тетю Нину проси кофе тебе варить.

– Ох, Аделька, да что ты дерганая такая сегодня? – Он искренне не понимал. – Волнуешься, что ли?

– А ты бы не волновался? – сердито откликнулась она.

– Если б ты церемонию вручения «Оскаров» должна была вести! А то прямой эфир на местном телеканале. Тоже мне, челлендж!

Вечная его, самая любимая роль: снисходительный папочка. Играй, деточка, в свои игрушки, я не против. Но принимать их всерьез не буду никогда. Можно подумать, сам – оплот духовной культуры, сокровище нации. А на самом деле – автор песенок. Попса, три притопа, четыре прихлопа.

Но нельзя бунтовать против финансового столпа семьи.

Пока что все материальное благосостояние именно на муженьке держится. Квартира – просторная, четырехкомнатная – его. Машину ей тоже он купил. В отпуск на теплые моря возит, драгоценности дарит, против брендовых шмоток не бунтует, домработнице платит.

Потому Адель была вынуждена признать поражение – покорно вздохнула:

– Сварю я тебе сейчас кофе.

– Солнышко ты мое! – расплылся он.

Чмокнул ее в макушку.

Страшно всегда радовался, когда удавалось принизить жену, укротить ее норы. И, кажется, вправду думал, что он в очередной раз победил, супруга признала его главенство.

Адель давно уже с ним – самовлюбленным, косным и сексуально не слишком привлекательным – жила без радости. По-хорошему бы надо развестись, да еще, по возможности, кусочек имущества оттяпать, обзавестись собственной, пусть небольшой, квартиркой. Без денег, что муженек дает «на булавки», она обойдется – во-первых, не слишком тот щедр, а во-вторых, она и сама зарабатывает. Другое жаль. Ради мифической свободы терять статус. Все-таки Гришка, пусть не Чайковский, но композитор. Мотивчики его попсовые в их городке чуть не из каждой второй машины звучат. Популярность, соседи здороваются с пиететом. И в столице у мужа есть связи – тоже чрезвычайно полезно для ее далеко идущих планов.

А что жизни учит, высказывает свое мнение (всегда критическое) по поводу всех начинаний молодой супруги – раздражает, конечно, но, с другой стороны, даже приятно, что кому-то она небезразлична. В детстве-то, в школе, никто ею не интересовался. Попади она под машину – только подружки поплачут.

К тому же, если разведется – Иннокентий Степанович, наверно, больше ее видеть не захочет.

Иннокентий Степанович – Гришкин друг. Вместе с мужем когда-то в детский сад ходили, в школе учились. Сейчас тоже общаются. Заглядывают друг к другу в гости, вместе выпивают, вспоминают безумства молодости, обсуждают, как положено мужчинам, политику и женщин.

Казалось бы, что Адели до него? Иннокентий Степанович старше ее почти вдвое. Внешне невзрачен. Живет в месте романтическом – на скале, с видом на море, но домик – халупа халупой. Должность ничтожная – доктор в районной поликлинике. Одевается импозантно, но хороших рубашек у него, в отличие от Гришки, всего три (Адель пересчитала). Однако неожиданно для всех, особенно для собственного ее супруга, сложились у них очень теплые, доверительные

отношения. Ничего сексуального, избави бог. Адель, может, не возражала бы. Но дядя Кеша – человек порядочный, никогда не позволит себе друга предать.

Началась их с Аделью симпатия на свадьбе. Гришка в торжественный день вел себя безобразно. В загсе-то держался соколом – нежно вел ее под ручку, растворял перед юной супругой двери. Зато в ресторане быстренько набрался и начал перлы выдавать – слушать тошно. Например, кричал одному из друзей:

– Ну? Какую кошечку я себе завел, а? Завидуешь?

А другому (очень пожилому, бедно одетому) назидательно втолковывал:

– Супружницу лучше всего бедную, молодую и глупую брать! Всегда тебе в рот смотреть будет!

А рядом жена того мужика стоит! Дама в возрасте! Естественно, все слышит!

Иннокентию Степановичу новоиспеченный муженек тоже толкнул речь про полную ничемность супруги. Снисходительно резюмировал:

– Только мордашка смазливая все искупает.

А Гришкин друг (хотя с виду тоже лопушок, типичный интеллигент) возьми, да смело ответь:

– Ладно, Гриша, не выделяйся. Эта девочка еще тебя за пояс заткнет.

Адель опешила. Муженек, кажется, тоже. Впрочем, быстро взял себя в руки. Расхохотался:

– Нет, Кешка, это ты брось. *Умных жен* я себе никогда не брал. Видно, планида такая.

Игриво ущипнул супругу за щечку и ушел под руку с одним из гостей.

Иннокентий Степанович остался подле Адели. Сочувственно улыбнулся расстроенной юной жене. Спросил:

– У вас образование какое?

– Университет дружбы народов, факультет журналистики.

– Серьезно, – оценил он. – Но работать вам Гриша, конечно же, запрещает.

– Пытался запретить, – кивнула она. – Но я все равно уже устроилась. На местный телеканал.

– Замечательно! – В его глазах засветился неприкрытый интерес. – Я искренне вам желаю сделать самостоятельную карьеру.

– Спасибо, – слабо улыбнулась Адель. – Я буду стараться.

Хотя пока дела у нее на работе шли совсем неважно. Диплом столичного университета никого особо не впечатлил: «Зато опыта у вас никакого!»

На должность взяли самую низовую – младшим редактором. А чтобы в кадр попасть (уверяли старожилы), нужно прождать минимум пару лет. И то, если никто из блатных вперед не всунется.

Гриша же – хотя на телевидении городском его прекрасно знали – помогать ей не собирался. Наоборот, пригрозил:

– Если будешь на работе задерживаться – сразу генеральному позвоню, он мой хороший знакомый. Мигом тебя уволит.

«Выходила замуж за блестящего мужчину, звезду, – переживала Адель. – А на деле: тиран самый настоящий».

Пока добивался ее внимания, Гриша вел себя благородно. Цветы, подарки, две песни ей посвятил, а выслушивал с каким вниманием! Но стоило ей стать женой – тут же из *музы* превратилась в *кошечку*. Внимания от супруга получает не больше, чем домашним животным уделяют. А она-то, наивная, надеялась с его помощью звездой стать!

Однако вдруг – через пару месяцев после свадьбы – Адель вызвал генеральный директор канала. Девушка явилась в приемную на дрожащих ногах. В огромный свой кабинет шеф ее не пригласил. Встретил в приемной, окинул оценивающим взглядом, буркнул:

– Ты и есть та самая Адель? Ну, пошли!

Привел в студию, посадил перед камерой, велел:

– Валяй, говори.

– Что? – растерялась она.

– Что хочешь, – начал раздражаться генеральный. – Вышел зайчик погулять – и так далее.

– О'кей, – кивнула Лопухина.

Дождалась, когда вспыхнет красный глаз записи, бодро начала:

– Сегодня хмурым апрельским утром на городском телеканале происходит триумфальное рождение новой звезды. Все цветы на рынке скуплены, плотную толпу поклонников сдерживает милиция, местные бизнесмены и чиновники отменяют деловые встречи, во всех программах подчеркнуто время ее передачи. Итак, Адель Лопухина впервые выходит в эфир!

– Достаточно, – оборвал ее вдохновенную речь генеральный.

Попросил оператора:

– Дай посмотреть.

Лицо – сонное, равнодушное.

Непонятно: нравится ему или нет.

– Ну, что? Любит меня камера? – не выдержала Адель.

– Сойдет, – усмехнулся шеф. – Только рот не криви. – И коротко приказал: – С завтрашнего дня работаешь корреспондентом в отделе новостей.

– Вау! – не сдержалась девушка. – Спасибо вам огромное!

А генеральный скуп улыбку:

– Это ты Кешке спасибо скажи.

– Кому? – опешила Адель.

– Иннокентию Степановичу. Мы с ним давно знакомы. Очень за тебя просил.

«Вот это, – мелькнуло у нее, – мужик! Лучше б я за него замуж вышла!»

...На работе в отделе новостей Адель (как и боялся муж) пропадала целыми днями. Бралась за любые темы – хоть заседание городской администрации снимать, хоть драку в ночном клубе, лишь бы наработать опыт. Постоянно приставала к опытным журналистам с вопросами. Неотрывно, будто хорошее кино смотрела, наблюдала, как коллеги проводят прямые эфиры.

– Молодец, Адель, так и надо. Таланта у тебя особого нет – зато хватка бульдожья, – посмеивался над ней криминальный хроникер Костик.

Работа ей нравилась. Правда друзей среди коллег завести не удалось. То ли она, «молодая, да ранняя», всех раздражала, то ли просто по жизни: телевидение – гадючник.

Единственный – в этом городе! – друг только был: Иннокентий Степанович.

Его – с тех пор как помог ей на телевидении продвинуться – Адель среди гостей мужа выделяла. Всегда старалась сесть рядом, когда говорил, заглядывала в рот. Рассказывал Иннокентий Степанович (о литературе, музыке, медицине) – просто заслушаешься. Ее тоже всегда выслушать был готов. И советы давал.

...Адель в принципе не выносила, когда ее учат. В университете преподаватели даже баллы ей на экзаменах снижали за то, что все подвергала сомнению и спорила с ними без всякого уважения к регалиям. А вот Иннокентия Степановича слушаться ей хотелось. Потому что верилось: он не покрасоваться хочет, но искренне ей помочь.

Насколько все-таки разные они с Гришкой!

Если муж – по повадкам – напоминал ей подростка, то друг – по поведению, не по внешности! – годился на роль старца. Не просто умного, а вроде оптинского. Понимающего, всепрощающего. У Адели сразу настроение повышалось, когда он в гости заглядывал. Всегда сама старалась проводить его в гостиную, заварить чаю, поговорить.

Гришка даже забеспокоился, однажды подозрительно спросил:

– Ты не влюблена часом в моего Кешку?

– Глупости, – отрезала Адель.

И не соврала.

Влюбиться – значит, секс. А какой может быть секс с отцом, гуру, *жилеткой для слез и сомнений*?!

Иннокентий Степанович продолжал ее опекать. *Направлять* – очень умело и незаметно.

...В университете она учила французский, язык в путешествиях не самый полезный. Муженек ей уже весь мозг прокапал, чтоб английский освоила. Однако Адель за учебу браться даже не думала – потому что хорошую вроде идею Гришка в неприятные слова облекал:

– Давай, берись за язык, а то ходишь за границей, как дурочка деревенская.

Или:

– Попой вертеть (это он про аэробику) у тебя время есть, а английским заняться все некогда.

После подобных высказываний учиться просто назло не пойдешь.

Иннокентий же Степанович произнес мягко – однажды, когда все вместе пили вечерний чай:

– Английский для эффектной девушки – столь же естественен, как на каблуках уметь ходить.

И на следующий же день Адель побежала искать курсы с хорошими преподавателями и удобным расписанием.

Муж, кстати, разозлился. Во время следующей встречи произнес едко:

– Эх ты, Кеша, укротил мою кошечку. Учебников накупила, уроки учит, в машине теперь вместо «Металлики» только «Йес ит из» слушает.

– А ты не иронизируй, – спокойно усмехнулся друг. – Лучше помоги ей. Сам ведь язык хорошо знаешь.

– Нет, я учить не умею. Тем более на уровне «elementary», – снисходительно молвил Гриша. И продолжая изгаляться: – Слушай, раз ты на нее такое влияние имеешь – подвигни, что ли, женушку мою еще на кулинарные курсы записаться. А то готовить вообще не умеет. Когда Нинка, домработница, выходная – голодать приходится.

И снова Иннокентий Степанович на ее стороне:

– Так ты в рестораны красавицу жену выводил!

А потом – уже не при Гришке – научил, как гренки с помидорами и сыром сваять:

– Блюдо холостяцкое, простое. Но, если руку набить, очень вкусное получается!

...Ну, как такого человека не уважать?!

* * *

Первый свой прямой эфир Адель построила на собственный страх и вкус. Сама определяла формат передачи, тему, кого в студию пригласить, ничьих советов не слушала.

«Выскачка!» – шептались коллеги.

И дружно предрекали ее «Гостиной» оглушительный провал.

Костик (тот, что криминальную хронику вел) прочитал сценарий, пригвоздил:

– Говорильня. Ни о чем.

Даже Лидка (собственная ассистентка!) осмелилась высказать мнение:

– Гостей вы, Адель Александровна, каких-то скучных подобрали. Чиновница, докторша. А чего актриска престарелая стоит!

Однако Адель решила: смотреть, как другие работают, можно. Но когда речь идет о собственном детище – на свет его надо произвести исключительно своими силами.

А что ей удалось позвать в студию саму Аглаю Львовну, приму городского театра, вообще неслыханная удача.

Актриса чем-то неуловимо напоминала ей Иннокентия Степановича. Породистое лицо, сдержанные манеры, правильная, даже нарочито литературная речь.

– Нудная, старая тетка. На нее посмотришь – сразу зубы от скуки ломит, – ухмылялась ассистентка.

– Ты просто в людях не разбираешься, – горячо возражала Адель. – Моя передача называется «Гостиная», понимаешь? Место, где ведут непринужденный, интеллигентный small talk. В концепцию старушка вписывается идеально.

– Кому твой смол-ток интересен? – пожимала плечами Лидка. – Библиотекаршам? Так их у нас на весь город – десять человек. А нормальные люди звезд на льду смотрят. Или «Большие гонки». Что может прикольного рассказать твоя актриска-динозавриха?

– Про судьбу свою. Про мужей. О работе. Аглая Львовна всю жизнь в театре служит, еще до войны начинала, представляешь?

– Ага, – не сдалась ассистентка. – Вот и будет занудствовать: раньше масло дешевле было, трава зеленее! Тоска!

По-хорошему, разговор со старушкой запросто можно было дать в записи – ни о чем остро актуальном они говорить не собирались, опыта вещать на камеру у пожилой дамы тоже никакого. Вдруг смутится или сердчишко в ответственный момент прихватит?

Но только «Гостиная» изначально заявлена как передача, что целиком идет в прямом эфире. На репетиции – ее провели за день – старушка тоже держалась бодрячком. Легко усвоила, что смотреть надо вовсе не на ведущую, умело и даже с определенным кокетством переводила взор с камеры на камеру.

И в момент прямого эфира не подкачала. Мило шутила, на вопросы отвечала впопад. Историю про своего первого мужа – погибшего в первые дни войны – поведала столь проникновенно и ярко, что у Адели даже в носу зашипало. (Ведущая очень надеялась, что зрителей тоже проняло.)

«Даже жаль, – мимолетно подумала она, – что выделила старушке в своей «Гостиной» всего десять минут. Лидка сзади, за камерами, уже мечется, нервно тычет в циферблат наручных часов».

Адель (сколь сумела, корректно) вклинилась в рассказ гостьи. Произнесла проникновенно:

– Спасибо огромное, Аглая Львовна. Беседа с вами доставила мне – и всем нашим зрителям! – истинное удовольствие.

– Я тоже рада, – мгновенно сказала старая женщина, – пообщаться с кем-то, кто is not dead from the neck up.

Лукаво улыбнулась. И, похоже, ни секунды не сомневалась, что ведущая мгновенно парирует.

Адель же про себя ахнула. Вот это подстава!

Начала лихорадочно соображать.

«Dead» – мертвый... «песк» – кажется, шея... А что все вместе-то значит?! Откуда ей знать. Учится языку – всего ничего, полтора месяца.¹

Ребус, конечно, не разгадала (а счет ведь – в прямом эфире! – на доли секунды идет!). Ляпнула первое, что в голову пришло:

– Вы тоже прекрасно выглядите!

Старушенция взглянула недоуменно, смущенно пробормотала:

– Спасибо.

– Заставка! – истерически зашипела Лидка из-за камер.

¹ Буквальный перевод: «Кто не мертвый выше шеи». То есть умный, сообразительный человек.

В двадцатисекундную паузу следовало выдворить актрису из студии, посадить на ее место следующего гостя...

Адель все успела. Эфир продолжался.

Мелких огрехов, оговорок и ляпов, безусловно, не избежала – но в целом, она чувствовала, передача удалась.

А когда (возбужденная, чуть пьяная от эмоций и торжественного шампанского) выходила спустя час из студии – ей навстречу бросилась старая актриса. Ждала ее под дверями!

Вид усталый, виноватый.

– Аглая Львовна! – опешила Адель. – Что вы здесь делаете?

– Вас ждала, – просто ответила старая женщина. – Извиниться хотела.

– За что?

– За то, что поставила в неловкое положение. С этим английским проклятым! – И торопливо, виновато заговорила: – Вы, наверно, считаете: «Вот, противная выскочка! Решила – как вы, молодежь, говорите, повыпендриваться! Но я, наоборот, хотела дать вам лишний шанс себя проявить. Я абсолютно не сомневалась, что вы прекрасно знаете язык. У меня на этот счет были – как я считала – самые достоверные сведения!

– Вот как? И кто же вам эти сведения сообщил? – нахмурилась Адель.

Пожилая актриса склонила голову:

– Он так искренне, горячо меня уверял, что английский язык – вам почти родной! Что вы дома постоянно на нем говорите, Шекспира читаете только в подлиннике. Я просто не сомневалась, что эта чрезвычайно популярная идиома вам известна. Еще раз простите меня за мою вздорную, неуместную инициативу!

– Так кто ж вам наврал-то про меня? – беззлобно усмехнулась Адель.

Про себя решила: наверно, Петька, водитель. Вез старушку на съемки и болтал по пути разную чушь.

Старушка же решительно продолжила:

– И я лично не побоюсь сказать Григорию Николаевичу, что он поступил непорядочно. Гришке?!

– Вы... вы знакомы с моим мужем? – пробормотала Адель.

– Разумеется. Его весь город знает. И в нашем театре он частый гость. Всегда заглядывает ко мне в гримерку поболтать... и, конечно, я не удержалась. Похвасталась, что иду на прямой эфир к его красавице жене. А Гриша – серьезно так – меня поправил: «Она не просто красавица – еще умница невероятная! Университет закончила, английский блестяще знает. Просто горжусь ею». Вот я и решила дать вам лишнюю возможность себя проявить.

– Нет, Аглая Львовна, – вздохнула Адель. – К сожалению, я начала учить английский чуть больше месяца назад. В школе и институте французский был.

– Но тогда зачем же ваш муж?.. – обиженно вздохнула актриса.

– Наверно, просто пошутить решил, – максимально небрежно ответила она.

Хотя внутри у нее все кипело.

Какая же Гришка сволочь!

* * *

Ладно, она не ждала цветов. Поздравлений. Праздничного – в честь выхода ее собственной передачи! – ужина. Даже без вопроса: «Как все прошло?» – смогла бы обойтись.

Но муж – мало, что встретил ее уже сильно нетрезвый – прямо с порога обрушился:

– Уже одиннадцать вечера! Где ты шляешься?

Адель задохнулась от гнева. Наорать на него? Влепить пощечину? Просто развернуться и уйти?

Но вспомнила слова Иннокентия Степановича («Юпитер, ты сердишься. Значит, ты не прав»). Насколько могла спокойно откликнулась:

– Моя передача в прямом эфире закончилась полтора часа назад.

– И часто ты теперь будешь уходить *ночами* на передачи? – ехидно поинтересовался муж.

– Шеф сказал: пока в программе я раз в неделю. Если дальше тоже нормально пойдет – то чаще поставит.

Гриша скривился.

«Тебе было бы гораздо приятнее – если б программу после первого эфира из сетки выкинули!»

– Ладно, звезда. Буженины мне пойдя порежь, – приказал муж.

А она смотрела в его пьяное, недоброе, снисходительное лицо и чувствовала: ненависть к супругу ее просто захлестывает.

«Прости, Адель, но жаловаться тебе не на что, – однажды сказал ей Иннокентий Степанович. – Гришка тебя замуж на аркане не тянул».

Однако терпеть тоже больше сил не было.

Глаза полыхнули яростью, рот выплюнул:

– Да пошел ты!

Гриша явно опешил. Произнес неуверенно:

– Что ты сказала?

– Сказала: отвали! Видеть тебя не могу. И завтра... – окончательно собралась с духом, выкрикнула: – На развод подам! Все, хватит надо мной издеваться!!!

Шанса на ответную реплику Гришке не дала. Резко повернулась, вышла, шарахнула дверь гостиной. В коридоре остановилась, бессильно прислонилась к стене. Яростно, вполголоса пробормотала:

«Чтоб ты сдох!»

Сердце колотилось, щеки пылали.

Не первый раз, если честно, она желала супругу смерти. Только – уже успела заметить! – на Гришку ее проклятия не действовали.

Наоборот, сколько раз случалось: насылала на него в сердцах лютую погибель или болезни, а супруг пышным цветом расцветал. То песню на следующий день напишет – стопроцентный хит. То гонорар ему выплатят огромный. А у нее самой – словно в отместку! – после скандалов всегда или ключи терялись, или зуб начинал дико болеть. А порванные некстати колготки или сломанный ноготь – вообще в порядке вещей.

Потому она решила, что у Гришки, наверно, защита стоит. Специальная, колдовская. Она читала: многие публичные люди заказывают себе специальные амулеты. Чтоб никто из завистников не взглянул, порчу не наслал.

Даже поделилась своей теорией с Иннокентием Степановичем. Тот, правда, только посмеялся:

– Да что Гришке делать, что ли, больше нечего? Не смейся. Сама представь: неужели пойдет взрослый, разумный человек в магический салон?

– Но почему ж он всегда словно подпитывается от наших ссор? Даже, мне кажется, специально их затевает. Я взрываюсь, а он счастлив. И потом у него – буквально на следующий день! – успехи-удачи. Неожиданные!

– А ты не поддавайся на провокации, – тонко усмехнулся ее духовник. – Не давай Григорию возможности твою энергетику использовать. И портить.

– Не могу, – пожала плечами она. – Характер такой. Если доведут – вообще себя контролировать не могу.

– А жизнь ведь, по большому счету, справедлива, – задумчиво произнес он. – Вот и возвращается все плохое к тебе самой. Борись с этим, Адель.

– Ладно, я буду стараться, – вздохнула она.

И действительно – иногда стало получаться. Но сегодня Гришка ее просто вывел из себя. Звезда, блин! Король, глава семьи! А все прочие обязаны смиренно охранять его покой и подавать буженину! Но она же не безответная домработница! И не смиренная секретарша.

К тому же – когда гнев выплеснула – вроде самой тоже стало легче.

Отправилась напрямик в спальню, упала в постель и спокойно, без снов, проспала до утра. Хотя боялась, что после неслыханного напряжения в связи с первым в жизни прямым эфиром бессонница ей гарантирована.

Продрагла глаза только в десять – счастье, на работу сегодня спешить не надо.

Гришки в супружеской кровати не оказалось. Обычное дело: в обиженного играет, отправился ночевать в кабинет.

Адель заглянула в гостиную. С отвращением взглянула на остатки вчерашней мужниной трапезы. Буженина, колбаса, сыр безнадежно обветрились, и даже отбивные (между прочим, дорожные, из мраморного мяса!) не соизволил после себя убрать. Коньячная бутылка оказалась почти пустой. Пол-литру в одно лицо уговорить – это сильно. Она передернула плечами: наверняка выползет помятый, похмельный, едкий.

Скрипнула входная дверь – тетя Нина. Уж на что молчунья – и то поинтересовалась с порога:

– Пережила свой прямой эфир?

– Да вроде, – вздохнула Адель.

– Я, кстати, твою передачу смотрела. Понравилось. Интересных людей пригласила. Молодец, – сдержанно улыбнулась домработница.

– Спасибо, – благодарно откликнулась Лопухина.

– Ну а чего грустная? – Домработница окинула ее проницательным взглядом.

– С Гришей вчера поругались, – вздохнула Адель.

От тети Нины скрывать смысла нет: та целыми днями в их квартире торчит, вся семейная жизнь на виду. К тому же, когда муженек проснется, явно последует продолжение банкета (в смысле вчерашней ссоры).

Экономка протопала в гостиную, покосилась на коньячную бутылку, констатировала:

– Вечером полная была.

– Ага, – кивнула Адель. – И я – прошу заметить! – не выпила ни глотка!

– Что ж тогда ему на завтрак подать?.. – перешла к насущным проблемам тетя Нина.

– Рассолу, – буркнула Адель. – А мне, если несложно, гренок пожарь.

И отправилась в душ. Но едва встала под теплые струи, из недр квартиры донесся отчаянный крик.

* * *

Гриша лежал на животе, левая рука подогнута, правая судорожно вцепилась в диванное покрывало. И тихо-тихо было в кабинете. На подушке – грязно-бурое пятно. То ли кровь, то ли рвота.

У Адели все внутри оборвалось.

– Что с ним? – выдохнула она.

– Не знаю, – пискнула тетя Нина.

В глазах домработницы плескался откровенный ужас.

Адель решительно оттолкнула женщину и рванулась к дивану.

– Вдруг нельзя его трогать? – ахнула в спину экономка.

Что за бред! Без помощи, что ли, его оставить?! Адель схватила мужа за руку, выкрикнула:

– Гриша!

Облегченно выдохнула: кожа оказалась теплой. Однако на касание супруг не отреагировал: ни вскрика, ни стопа. Адель осторожно перевернула его на спину: глаза закрыты, губа закусена. Рука, на которой он лежал, распухла и почернела.

«Что с ним?!» – вибрировало в голове.

Она обернулась к тете Нине, приказала:

– Вызывайте «Скорую», быстро!

...И уже спустя пятнадцать минут, как была, в халатике, ненакрашенная, непричесанная, мчалась вместе с мужем в чреве медицинского автомобиля. Держала Гришу за руку, тревожно вглядывалась в лицо: под глазами мужа залегли страшные черные тени, губы потрескались.

– Острый панкреатит, – озвучил предварительный диагноз врач.

Адель, когда услышала, отреагировала мгновенно:

– Но это ведь ерунда!

– В смысле? – удивленно воззрился доктор.

– В смысле несерьезная болезнь!

Ей всегда казалось: панкреатит – нечто вроде гастрита. Муторно, тоскливо, долго – но совсем не опасно.

Но доктор лишь усмехнулся:

– Опасное заблуждение. По статистике, у острого панкреатита летальность больше чем в половине случаев. Процесс развивается стремительно, поражает все внутренние органы, терапии поддается с большим трудом.

Григория из приемного отделения немедленно отправили в реанимацию. Поместили на гемодиализ – выяснилось, что отказали почки. Вечером того же дня сделали операцию – как поняла Адель, толку от нее особого не было. Врачи просто иначе не могли выяснить, насколько далеко зашел процесс. Разворотили всю брюшную полость. Очищали, санировали, поставили специальные дренажные трубки.

Вердикт вынесли тем же вечером.

– Никакие органы, кроме сердца, самостоятельно не работают, – сообщил ей пожилой реаниматолог по имени Евгений Михайлович. – Осложнения у вашего супруга все возможные – перитонит брюшной полости, токсический гепатит печени, гнойные образования на соседствующих органах, то есть в желудке и кишечнике. Это уже, к сожалению, не панкреатит – панкреонекроз. Моментальный – по времени образования. И тотальный – по количеству поражений.

– Просто... просто поверить не могу, – подавленно выдохнула она. – Он еще вчера бодреньким был. Румяный, веселый...

– Не повезло вашему супругу, – равнодушно утешил доктор. – Однако всегда надо надеяться на лучшее.

Но по его безулыбчивому лицу Адель безошибочно прочитала: Гришку не вытянут.

– Отчего это произошло? – робко спросила она.

– Обычные наши мелкие грешки, – пожал плечами врач. – Неправильное, избыточное питание. Гиподинамия. Злоупотребление алкоголем. Курение.

– Какая ерунда! Половина людей пьет и жрет куда больше, чем он! – вырвалось у нее. – В смысле, мужчин!

– Значит, вашему супругу просто не повезло, – печально усмехнулся доктор. – Возраст, опять же, далеко не юношеский.

– Чем ему можно помочь? – деловито спросила Адель. – Купить лекарства, созвать консилиум, обеспечить уход? Деньги не проблема.

– Ничего не надо, – хмуро оборвал ее медик. – В больнице все есть.

Но она все-таки сунула ему конверт – доктор охотно взял. Сразу сбавил тон:

– И не сидите тут под дверью, смысла нет никого. Лучше сходите в церковь, поставьте свечку за его здоровье, помолитесь. Можете иконку принести, в экстренных случаях мы разрешаем.

– А увидеть его... я смогу?

– Он в медикаментозном сне. Бессмысленно.

– Пожалуйста!..

– Только расстроитесь, – предупредил врач. – Впрочем, дело ваше. Три минуты даю.

Выдал халат, провел в отделение реанимации. На соседних койках метались в бреду и хрипели другие пациенты, но Адель видела только мужа, похудевшего, кажется, еще больше, чем был в «Скорой». Абсолютно беспомощного, изможденного. Да может ли быть такое: чтоб от полного сил, энергии человека всего за сутки осталась одна лишь жалкая оболочка?!

Адель испуганно коснулась его руки – та оказалась ледяной. Пролепетала:

– Гриша!

И тихо вскрикнула: у мужа из правого глаза потекла слеза.

Григорий зашевелился. Грудь вздымалась, как будто он сейчас закашляется.

Аппарат искусственной вентиляции легких начал пищать. Адель скосила глаза на монитор – там мерцала надпись: высокое давление дыхательных путей.

– Доктор! – истерически выкрикнула Адель.

Тот уже спешил к постели больного.

– Он, кажется, в себя приходит! – продолжала бушевать Адель.

Однако врачу хватило единственного взгляда на распростертого пациента.

– Нет. Не пришел он в себя. Хотя, возможно, что-то сейчас и чувствует.

Развернул Адель по направлению к выходу:

– Все, красавица. Не травми тут нам всем душу. Шагай.

* * *

Сеня работал в отделении реанимации санитаром и мечтал со временем поступить в медицинский. Был он молод и чрезвычайно впечатлителен. Особенно его поражало, когда вроде бы молодой, сильный организм сгорает в одночасье. Когда пустяковая (всего лишь йодом вовремя забыли помазать!) царапина обращается грозным осложнением – сепсисом, и, сколько ни стоят на ушах врачи, больной все равно умирает. Или как неделю назад у них в реанимации случилось. Привезли пациента – молодого парня с крошечным синяком на шее. Он без сознания, интенсивные реанимационные мероприятия результатов не дают. Умирает той же ночью. А патологоанатом потом в своем заключении пишет: «При исследовании органов каких-либо повреждений, заболеваний не обнаружено. Кровоподтек в области шеи с кровоизлиянием в мягкие ткани в области синокаротидной зоны вызвал рефлекторную остановку сердца. Данное повреждение находится в прямой причинной связи с наступившей смертью...»

То есть: от синяка умер!

Сеня от плачущих родственников и детали узнал.

Собралась компания друзей – выпили, поболтали. Начали дурака валять. Один другому решил прием продемонстрировать, который он в фильме про Шаолиня видел. Ну, и стукнул ребром ладони в шею. И случайно попал в ту самую «смертельную точку».

Итог вечеринки: один – мертв, другой – под подпиской о невыезде (человека же убил!). Разве не страшно?

– Чего ты, Сень, будто барышня? Глаза круглишь, ахаешь?! – пожимал плечами врач-реаниматолог Евгений Михайлович. – Взрослей уже. Привыкай. Жизнь – штука непредсказуемая, коварная. Никогда не знаешь, в какой момент оборвется.

Для пожилого доктора смерть пациента – дело вообще рядовое, родственникам печальную весть сообщит, пробормочет равнодушные слова утешения и через десять минут уже в ординаторской сестричек тискает. Сеня же (хоть сам не врач и ответственности за людей не несет) так не мог, переживал за каждого. Ладно, когда у человека рак в четвертой стадии и исход предreshен. Но когда смерть происходит внезапно, на фоне полного, как говорится, здоровья, – молодой санитар всегда искренне переживал.

Вон, сегодня: привезли в реанимацию не старого совсем, импозантного мужчину. Лицо знакомое.

«Композитор. Известный. У нас в городе живет», – просветили сестрички.

Находился пациент без сознания, правая рука – резко отечная, с единичными пузырями.

– Ушиб? – строго показал на конечность Сеня.

Молодая супруга (выскочила из «Скорой» растрепанная, в халатике) растерянно пробормотала:

– Я... я не знаю... Вчера у него с рукой все нормально было!

– Странно как-то! – сунулся Сеня к Евгению Михалычу.

Тот руку добросовестно осмотрел и отмахнулся от санитаря:

– Бывает. Видно, хреново было ему. От боли он под себя длань подтянул, навалился всем телом – и отлежал. Вытащить не мог – потому что был без сознания.

Стали мозговать над диагнозом.

Сначала решили: отравление некачественным алкоголем – тем более от мужика пахло. Однако жена уверяла: пил только коньяк. Дорогой, известной марки. В дьюти-фри покупали.

Ага. Коньячок. Субстанция, однозначно отбивающая многие вкусы и запахи. Отравители часто его используют.

Сеня еще больше уши наострил. Показалось ему: дамочка, хотя изображает горе неземное, а страдает по своему супругу не шибко, глаза пусть в слезах, но холодные.

Подсказал доктору:

– Я б вообще не про алкоголь – про отравление неустановленным веществом думал.

– Ох, Сеня, тебе не в медицину надо, а детективы писать! – скривился пожилой Евгений Михайлович.

Но тему развил. Жenuшку, якобы безутешную, спросил как бы между делом:

– А закусывал супруг чем?

Та растерялась:

– Да он один пил, я не участвовала. Буженина, кажется, на столе была, сыр, колбаса, хлеб. Отбивные из мраморного мяса. Огурцы соленые.

Глаза (Сене вновь показалось) забегали.

– Может, в милицию сообщим? – проявил инициативу санитар.

– Отстань, – отмахнулся Михалыч. – Типичный панкреатит у него.

Пациента, как положено, срочно отправили в реанимацию. Сделали гемодиализ, потом перевели на искусственную вентиляцию легких. Жена суежилась, торчала под дверью реанимации неотлучно, караулила Михалыча, совала ему конвертики.

Спасти композитора не смогли – в сознание он не пришел, на третьи сутки скончался. Диагноз после вскрытия подтвердился: острый геморрагический панкреатит.

– У него, видно, поджелудочная давно не в порядке была, – объяснил Сене Евгений Михайлович. – Жена сказала: сколько раз ей жаловался на тяжесть в брюшной полости, перидические боли. Но у нас же народ какой: пока не припрет, к врачу не пойдут. Вот и дождался: алкоголь, закуска жирная – не выдержал организм. А острые панкреатиты – они всегда стремительно развиваются, в течение суток. И оперировать тут бесполезно.

...Жена (Сеня видел), когда узнала, что почил супруг, рыдала искренне, горько. Но молодой санитар все равно с трепетом ждал результатов гистологии.

Пришли они достаточно быстро, и все оказалось чисто: не травил никто мужика. Сам виноват, что за здоровьем своим не следил,пил много, ел вкусно.

– Не изобрели, Сенька, еще эликсира от всех болезней, – философски подытожил пожилой доктор.

И деньги (что ему жена пациента совала) ей, уже вдове, не вернул.

Данилов

Когда хорошенькая девушка (откровенно, как священнику!) повествует тебе о собственной грешной жизни – это вдохновляет. Усталости как не бывало – я внимательно слушал рассказ Адели. Пытался поймать ее волну.

Тут нужно пояснение. Чтобы *почувствовать*, мне вовсе не обязательно хватать клиента за руку и уж тем паче вырывать – в цыганском стиле – у человека волосы. Также не требуется испытывать к нему симпатию. (Или антипатию.) Куда лучше, когда он тебе решительно безразличен.

Как все выглядит технически? Бывает, я вижу картинку. Случается, слышу *слова*. Но в какой-то момент, как правило, неожиданно – просто вдруг понимаю, в чем дело. Кто-то *во мне понимает*. Самому остается лишь *озвучить ответ*.

Однако сегодня внутренний голос молчал.

Адель закончила свой рассказ, взглянула вопросительно, с надеждой – но я ничего не мог ей сказать. Абсолютно ничего.

Я, безусловно, ощущал *вибрации*. Обрывки чужих мыслей, чаяний, чувств. Несчастливый брак. Самовлюбленный, холодный в общении супруг. Амбициозная, тонко чувствующая, молодая жена. Им не следовало связывать свои жизни. Не умри Григорий – пара все равно бы развелась. И на всю жизнь бы они остались врагами.

Но Адель ведь ждет от меня совсем не психологической консультации.

Я произнес – не слишком, впрочем, уверенно:

– Мне кажется, что ваш супруг умер от естественных причин. Вы никак и ничем не способствовали его смерти.

Женщина – кажется, она ожидала от меня совсем других слов – взглянула разочарованно. Потупила очи. Она явно хотела спросить (ее мысль я прочел без труда): не могло ли ее проклятье, в сердцах брошенные злые слова, лишить супруга жизни?

– Нет, Адель, – твердо произнес я.

Она посмотрела озадаченно.

Я улыбнулся:

– Среди кассиров одной известной канадской закусочной недавно проводили анкетирование. И выяснили: каждый работник – как минимум раз за смену! – желает клиенту провалиться в преисподнюю. Однако никакого всплеска смертности среди посетителей не наблюдается.

– То есть вы считаете... – просветлела лицом она.

– Я думаю, врачи были правы. Вашему мужу просто не следовало столько пить. – Нетерпеливо взглянул на нее. – У вас еще будут ко мне вопросы?

– Да, – тихо отозвалась Адель. – Дело в том, что Гришка... Мой муж – он умер первым.

* * *

Похороны прошли красиво.

Адели особенно запомнилась графика печально голых (очень в тему!) осенних деревьев и струнный квартет, вдохновенно исполнявший «Air» Баха. Муж – с совсем не страшным, спасибо гримеру из морга, лицом – лежал в гробу умиротворенный, даже, казалось, слегка улыбался.

На похоронах вообще не было по-настоящему печальных, плачущих людей.

Общее настроение хорошо один из Гришиных друзей выразил:

– Давайте, мы не будем скорбеть. Григорий прожил насыщенную, интересную жизнь и заслужил право на отдых. А теперь он свободен, счастлив и беззаботен.

Тут дамы (против логики) дружно взялись хлюпать носами, Адель тоже прижала к глазам носовой платочек. Могильщики нетерпеливо топтались у разверстой ямы, высоко в небе, словно надеясь на пиршество, кружили ястребы.

– Все у человека было, – услышала вдова чей-то философский шепоток, – квартира, машина, слава, жена красивая. Только здоровья себе купить не смог.

Адель тоже никак не могла привыкнуть, что мужа – столь скоротечно, в одночасье, внезапно! – с ней больше нет. Ей всегда казалось, что умирание – процесс мучительный, длительный. А в реальности все произошло, будто в детской сказке: откусила царевна ядовитого яблочка и мгновенно упала замертво. Но погрузилась не в столетний сон – а в вечный. Навсегда.

И уже не извинишься перед ним за проклятие, что сорвалось с ее губ, не заберешишь на колени, не подластишься. Интересно, каково умирать, когда последние слова, что ты в этой жизни слышал, были пропитаны ненавистью?

«Отолется мне еще наша с Гришей ссора. То, что я ему смерти пожелала», – страдала Адель.

Окружающие ее утешать даже не пытались. Наоборот, смотрели завистливо, косо: еще бы, молодая девчонка без роду, без племени в одночасье стала богатой вдовушкой. Один Иннокентий Степанович поддерживал:

– Не кори себя, девочка. Ты ни в чем не виновна. Судьба.

Эх, знал бы он! Что она сама накликала на мужа страшную смерть!

Адель еле выдержала злосчастный день: прощание в морге, траурный митинг на кладбище, поминальные речи на ресторанном банкете. Кусок в горло не лез, нервы совсем расшатались. Первая же рюмка «за упокой» ударила в голову мгновенно. Кабы не тот же Степанович, быть Адели к завершению поминок пьяной вусмерть. Но верный друг (за столом сидел рядом) плескал ей едва на дно рюмки, а когда она попробовала возразить, шепнул в ухо:

– Адель, девочка, не надо. Не позорься перед *ними всеми*. Они только того и ждут.

...А разговоры за столом, действительно, шли нехорошие.

Все мужнино окружение и без того давно ее приговорило: выскочка, ни кола ни двора, а вышла замуж за уважаемого, богатого человека. Да еще уморила его в расцвете лет, унаследовала квартиру, две машины, счета в банках. Авторские отчисления за песни до конца собственной никчемной жизни будет получать.

«Будь Гриша поумней – заключил бы с ней брачный контракт», – услышала она злой комментарий на похоронах.

И все, конечно, уже знали: брачного контракта у пары не было.

«Гришенька – он такой был доверчивый... безалаберный», – завистливо вздыхали дамы.

Наконец, томительно долгий день похорон миновал. Но и в пустоте квартиры Адель не нашла утешения. Дом теперь был будто склеп, зеркала завешены черным, отовсюду смотрят портреты супруга в печальных траурных рамках (домработница постаралась). И тишина – звенящая, мрачная. И некому поплакаться. Не с кем даже просто посидеть рядом. Выпить. Помолчать. Бесконечно грузить Иннокентия Степановича своими страхами Адели было совестно. Все прочие Гришины знакомые, безусловно, исключались. Тетя Нина смотрела волком. Кол-

леги на работе цинично полагали, что у Адели вообще нет повода грустить. Наоборот, надо радоваться, что все удачно сложилось – молода, свободна, да еще с деньгами.

Вот и приходилось изобретать любые пути, чтоб не оставаться одной. Наедине с бесконечными мрачными мыслями.

Адель прошерстила ежедневник. Освежила в памяти: у кого из знакомых, даже самых дальних, в ближайшее время дни рождения? Звонила, поздравляла – ей, конечно, удивлялись, но в гости приглашали.

Однажды вообще забрела на чужую свадьбу – не на халяву, естественно, с букетом и бутылкой.

А как-то заглянула в казино. Местечко оказалось воистину злачным: в нелепой позолоте, прокуренное, пресловутое зеленое сукно – все в неопрятных пятнах. Однако народ, на удивление, выглядел мирно, даже забавно. Весело чирикали китайцы, пара братков угасала над коньяком, и старуха – почти по Пушкину! – имела, из раза в раз бросала на 33 единственную фишку номиналом в пятьдесят центов.

Адель попыталась было проскочить к бару, но суровый мужчина в черном костюме остановил:

– Бесплатные напитки – только для игроков.

Объяснять ему, что у нее – в отличие от большинства соотечественников – проблема как раз не в деньгах на водку, Адель не стала. Робко села в самом дальнем уголке карточного стола.

Подошла официантка, заученно молвила:

– Есть местное пиво, водка, дагестанский коньяк три звездочки. Остальное – платно.

– Пусть будет платно! – браво молвила Адель. – Принесите, пожалуйста, кампари с апельсиновым соком.

– Самое то. Под блек-джек, – снисходительно фыркнул крупье.

Ага. Хотя бы теперь ясно, во что за столом играют. «Но не очко всегда приходит, а к одиннадцати туз», – вспомнила Адель бессмертное творение Михаила Круга. (Муж, хотя был матерый интеллигент, шансон уважал, часто слушал дома.)

Размер ставок ее – теперь богатую вдову! – не испугал. Может, действительно, сыграть? Правила нехитрые. Ставишь пять долларов, получаешь карты, принимаешь решение...

Пришли восьмерка и семерка.

– Пятнадцать, – услужливо посчитал за нее крупье. Вопросительно произнес: – Еще?

– Ну... давайте, – неуверенно попросила Адель.

Парень открыл карту – шестерка. Блек-джек она выиграла! Вообще элементарно!

– Везет дуракам, – беззлобно буркнул сосед по столу.

– Она не дурак. Она девушка, – поправил другой игрок. – Пьяненькая.

Хотела обидеться – но присмотрелась к мужикам и передумала. Убогие люди. Эти, видно, как их... игроманы. Фишек перед каждым приличная стопка, но выглядят – будто последний раз мылись неделю назад. И одежду приобрели в самом дешевом секонд-хенде.

В прежней жизни – благополучной *жены*, молодой, но перспективной телеведущей – Адель бы мигом сбежала из подобной компании. Но сейчас – если она уйдет – опять останется наедине. С тоской, угрызеньями совести. Воспоминаниями, как Гришка в больнице на какие-то мгновения вынырнул из предсмертного небытия. Взглянул на нее воспаленными, все понижающими глазами.

– Шестнадцать, – обрадовал после очередной сдачи крупье.

– Оставляй, – посоветовал сосед слева.

– Прикупай, – возразил дядечка справа.

– Найдите мне, пожалуйста, пятерку, – вежливо попросила Адель дилера.

– Жди, – мрачно усмехнулся первый игрок.

– Она пьяная. Ей должно повезти, – продолжил развивать тему второй.

И как в воду глядел: явилась пятерка.

– Да тебе надо по-крупному играть! – восхитился второй – тот, что оптимист.

А пессимист взглянул на нее со столь неприкрытой завистью, что Адель едва не расхохоталась. Они что, действительно считают, будто ее жизнь удалась? Лишь потому, что за несколько минут она стала богаче на десять долларов?!

Залпом допила кампари.

Играть, несмотря на «сумасшедшее» везение, расхотелось.

– Куда ты? Тебе ж карта прет! – ахнул первый мужичок, едва она поднялась.

А второй мгновенно плюхнулся на ее кресло – столь поспешно, что едва с ног не сбил. Когда Адель оглянулась, чуть смущенно пояснил:

– Место счастливое...

«Жаль, я не могу забыться в игре – как они», – грустно подумала она.

Уйти из чужого, совсем непонятного ей мира? Но здесь хотя бы светло, музыка, люди, и бармен участливо крикнул от стойки:

– Еще кампари?

– Давайте. – Переместилась к бару, устроилась на высоком табурете, заплатила за новую выпивку почти весь свой выигрыш. На глаза навернулись слезы – от пустоты, бессмысленности, беспросветности существования. А ведь ночь только наступает, и ей придется возвращаться в пустую квартиру, где во всех комнатах на нее скорбно смотрит с портретов Гриша, и снова не с кем будет поговорить...

Не удержалась, всхлипнула.

И вдруг услышала участливый вопрос:

– Проиграла?

Голос был мужской, приятный.

Обернулась: на соседнем стуле у стойки дядечка примостился. Ярко-рыжий, красномордый, лапищи волосатые. Но при этом совсем не страшный. Скорее, плюшевого медведя ей напомнил, огромного и бестолкового – китайского производства.

Адель против воли улыбнулась.

Дядька в ответ вдруг нахмурился. Отчетливо, медленно повторил:

– Про-иг-рала?

«Ну, точно заводная игрушка!» – хихикнула про себя она.

И весело откликнулась:

– Да с чего вы взяли?

Увидела его озадаченное лицо – развеселилась еще больше. Да и местный кампари, похоже, был замешан на водке, настроение вдруг от полного отчаянья сменилось на дурашливое, беспечное. Захотелось *выдать* что-нибудь эдакое... И Адель патетически произнесла:

– Я, наоборот, теперь чрезвычайно, просто неприлично богата. В моих руках – все сокровища мира. Аж десять долларов.

Ожидала, что *нелепый медведь* хотя бы улыбнется в ответ – однако тот по-прежнему выглядел, будто с луны свалился и только осваивается на нашей планете.

– Эй, дядя! – глупо хмыкнула она. – Это я шучу так, шучу. Понимаете?

Бармен взглянул на нее с неодобрением.

А непонятливый собеседник вдруг просиял.

Поспешно сунулся в карман, вынул десять американских долларов, протянул ей, широко улыбнулся.

– Вы чего? – отстранилась Адель.

– Гы-гы, – прокомментировал бармен.

Незнакомец же, тщательно выговаривая слова, произнес:

– Я хочу... компенсировать ваши потери.

– Чудак ты на букву «м»! – закатил глаза парень за стойкой.

А до Адели только сейчас дошло: ну, конечно же! Плюшевый медведь – иностранец! И выглядит, и одет, и пахнет приятно, совсем не по-нашему! А из всей ее предыдущей тирады, видно, понял, что она десять долларов проиграла. Вот и решил порадовать.

Она мягко отстранила его руку с деньгами, произнесла раздельно и четко:

– Спасибо. Мне не надо.

Настаивать новый знакомый не стал. Вернул деньги в карман, предложил галантно:

– Тогда позволить мне... угостить вас? Коктейль, пирожное, торт?

«На что ты мне сдался, страшилище рыжее?»

Она начала отрицательно качать головой, но иностранец оказался настырным:

– Я очень, очень хочу купить для вас... – Он запнулся, защелкал пальцами, беспомощно произнес: – Шварцвальд?

– «Черный лес», – снисходительно перевел бармен.

– Это фантастиш! – продолжал настаивать рыжеволосый.

К сладкому Адель относилась спокойно. А уж ресторанные – с избытком крема и часто несвежие – торты совсем не жаловала. Странно, что заграничный дядька говорит о казиношном, явно сомнительном кондитерском изделии с таким вождением.

Уточнила у парня за стойкой:

– У вас правда «Черный лес» какой-то особенно вкусный?

– Я бы не сказал, – хмыкнул тот. Махнул на иностранного толстяка: – Да он и не ел. Смотрел только. У витрины с пирожными полчаса простоял.

Плюшевый дядька с беспомощным, как у всех, кто не понимает языка, лицом прислушивался к их разговору.

– Может, он на диете? – предположила Адель.

И шарахнулась – толстяк саданул ладонью по стойке. Радостно закивал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.